

«Узнай у русских доброе...»

В качестве заглавия лекции о переводах поэтом произведений русских классиков мной взята цитата из высказываний Абая. Факт профессиональных контактов и человеческой дружбы единомышленников зафиксирован во всех сохранившихся источниках. Для нас точкой отсчета будет служить оценка данного периода биографии поэта в статье М. Ауэзова «Абай и русская литература». В частности главный абаевед отмечает «интерес к русской литературе», через которую поэт «познал подлинные ценности духовной культуры русского народа».

В романе-эпопее «Путь Абая» и затем в комментарии «Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая» М. Ауэзов неоднократно подчеркивал, что на этапе становления Абая-поэта ему приходилось преодолевать «вековую отсталость феодальной степи».

До определенной степени «отсталость» касалась и окостеневших поэтических форм и размеров. Кочевой образ жизни словно компенсировался неизменными лирическими и эпическими образцами в виде эпосов и песен о степной жизни, передающихся из уст в уста. Казахский просветитель-интеллектуал, рано освоивший несколько языков, Абай буквально физически ощущал потребность кардинальных изменений, в том числе в необходимости разработки совершенно нового течения казахской литературы.

И в известном смысле спутниками-«поводырями» стали для него русские писатели-классики, которые поднимали близкие Абаю вопросы просвещения народа, размышляя о лучшей для него доли. В минуты одиночества, а с годами минуты превращались в часы, часы складывались в сутки... - поэт спасался, по выражению М.Ауэзова, «общением с русской культурой», занимаясь переводами известных классиков.

Русский язык сыграл для казахского народа ту же роль, что и в свое время французский – для русского. В определенное историческое время через французский язык Россия познакомилась с европейской культурой. Творчески перерабатывая все то, что «открылось для Абая» в изучении творчества писателей, поэт-просветитель излагает и в стихотворной форме, и в своих трактатах: «Главное - научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство - все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру», - этот наказ неоднократно «озвучен» в «Словах назидания» со всей силой убедительности, свойственной Абаю-мыслителю и передовому деятелю.

Последовательное обращение Абая к лучшим традициям русской литературы и общественной мысли происходило в период становления его мировоззрения и мировосприятия. Во многих трудах о наследии Абая мне встречался оборот «Усиление связей с русской культурой и языком в значительной мере позволило поэту осознать особенности жизни национальной литературы и обогатить ее новыми художественными формами, стихотворными размерами, литературными приемами». Признаюсь, и я первоначально использовала его в своих выступлениях, но придавая им письменную форму лекции, задумалась: как можно «усилить связь» с культурой и языком?

В этом месте нам необходимо сделать некоторое отступление в виде этнографических штрихов, чтобы составить представление о жизни Семипалатинска, его роли в творческой судьбе Абая. Молодой поэт оказался свидетелем представителей кочевого и оседлого образа жизни своих соплеменников. Знакомство с русскими политическими ссыльными, воспитанными на идеях Чернышевского и Добролюбова, открыло для будущего поэта-философа новые горизонты, раздвинувшие вековые стереотипы степной цивилизации. Представители русской революционной интеллигенции составили благотворную среду единомышленников, в которой складывалось его зрелое мировосприятие, формировались прогрессивные взгляды.

В Семипалатинске пятидесятых годов 19-го века основной функцией города была меновая торговля. Сюда для выгодного обмена приезжали купцы из Урала и Сибири, из Прибалтики, караваны из Китая, Ташкента, Бухары, Коканда, а казахи пригоняли тысячные стада скота для продажи и обмена. Под евразийской крышей Семипалатинска нашли приют русские переселенцы и казахские джатаки, татарские муллы и раскольники, политические ссыльные и казаки, и сонм разных мастей факиров, дервишей, искателей золотоносных месторождений и разного другого люда. Город кишел пестротой одежд, говоров, людей: татарская слобода, казачья станица, казахский поселок. Через город проходили пути в далекие страны и земли Востока, Центральной Азии. По улицам города ходили А. Гумбольдт, П.С. Паллас, Г.С. Карелин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, А.И. Шренк, М.И. Венюков и многие другие.

Абай был свидетелем исторического переплетения судеб России и Казахстана, и ввиду стечения обстоятельств оказался вовлечен в непосредственный процесс сближения этих стран и народов.

Установленные исследователями любопытные хронологические соотнесения биографии поэта с литературными событиями и фактами русской культурной жизни, существенные нюансы и придают истори-

ко-литературную перспективу и объемность феномену национального поэта. В своем отношении к русской литературе, к творчеству некоторых западных классиков Абай Кунанбаев оставался глубоко национальным поэтом по своей сути, по неразрывной связи с нуждами и интересами, стремлениями и надеждами своего родного народа.

Период активной творческой деятельности Абая параллелен революционно-освободительному движению в России и совпадает со временем написания:

- В.Г. Белинским - знаменитого письма к Н.В. Гоголю;
- Л.Н. Толстым - романа-эпопеи «Война и мир»;
- Н.Г. Чернышевским - романа «Что делать?» (и последующей долгой каторгой);
- А.П. Чеховым - новеллистических рассказов и пьес;
- М. Горьким - ранних циклов рассказов.

Вот такие интересные параллели провела педагог И. Орешникова в своем авторском курсе «Абай в русской школе». Образное представление о времени Абая в названном пособии автор дополняет своими комментариями: «Он мог бы скорбно идти за гробом Некрасова, переписываться с Чеховым, совершить паломничество в Ясную Поляну, лично знать Горького и Короленко. А он никогда не покидал пределов казахской степи, не слышал музыки Чайковского, не видел полотен Репина и Серова, не держал в руках ни одного напечатанного сборника своих стихов...

Но в те годы, когда молодой Чехов и молодой Левитан зачитывались последними произведениями Салтыкова-Щедрина, эти же книги лежали на далекой кочевке перед неизвестным России казахским поэтом. И не одни ли и те же жандармские руки шарили, производя обыск, и в Ясной Поляне, и в зимовке Абая близ Семипалатинска!».

По моему мнению, соотнесенные здесь факты в виде литературных параллелей наглядно демонстрируют неоднократно высказанную исследователями мысль: огромное «дело», которое в литературе других народов было осуществлено совместными усилиями поэтов и писателей многих поколений, на казахской земле Абай претворил в жизнь один, целостно и художественно достоверно изобразив степную действительность.

Абай для Степи был первым университетом, подобно Ломоносову для России. Двадцать лет жизни Поэта прошли в содержательной творческой, поэтической деятельности, а переводы произведений русских классиков в тюркоязычных литературах конца XIX – начала XX века правомерно расценивать как непрекращающийся литературный диалог, который был усвоен последующей литературной традицией.

Высокое качество перевода сказалось, в частности, в значительном расширении диапазона казахского литературного языка, в том числе за счет использования потенциала общенародного языка.

Вот что может обозначать оборот, превратившийся в научный штамп со «стершимся» смыслом: «усиление связи с культурой и языком». Исторический фон, непосредственное общение с полиязычно средой и атмосфера интеллектуальных споров как бы подтолкнули Абая, «усилили» принятое решение передать полученные, переработанные и творчески адаптированные знания своему народу.

Произведения русских классиков с развивающимися в них общечеловеческими идеями свободно входили в национальную парадигму и не были «чужими» для национально-художественного сознания. Абай понимал, как донести любому степному казаху, всему казахскому народу гуманистические, просветительские задачи, и сознавал свою переводческую миссию, расценивал эту деятельность как просветительский долг и потребность души.

Читать – понимать – наслаждаться – размышлять и – переводить для других, сделать свои открытия доступными для тех, кто не знает языка, далек от осознания радости полученных новых знаний!

По справедливому замечанию Мухтара Ауэзова, перевод стал одним из путей творческой учебы Абая у русских классиков. Жизненный опыт наблюдения над своим народом помог сразу отделить русский народ от царских колонизаторов. В поисках единственно верного пути выхода казахского народа из вековой темноты Абай и в русской действительности наблюдал подобные процессы. По его мнению это сближало оба народа и служило основой для братских и дружеских отношений:

Прямодушному злобно кричим: «урус»!
Знать, милее нам лицемерный трус.
Заглушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз!
Настоящая дружба стирает межи,
Плещут волны любви через все рубежи.

Демократическая русская культура благодаря передовым идеям приобщала поэта к общечеловеческой культуре, а знание русского языка сыграло в этом процессе историческую роль. Своеобразная русская школа в лице русских классиков и их произведений была относительно быстро освоена в ходе дружеского общения с политическими ссыльными, представителями интеллектуальной элиты.

Работу над переводами начал в 1886-1889 годах и благодаря этому сделал произведения русской классики, произведения И.А. Крыло-

ва, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, достоянием для своего народа.

Что же (или кто же?) послужило первым самым сильным поэтическим впечатлением на Абая? Кто из русских поэтов нашел самый непосредственный отклик в душе поэта и стал поводом для собственных произведений, созвучных переживаниям первоисточника?

Конечно, М.Ю. Лермонтов.

Мятежный настрой лиры русского поэта-романтика (вспомним стихотворение «Парус»: «А он, мятежный, просит бури...») отвечал умонастроению Абая конца 1880-х годов. Страстному желанию Абая просветить свой народ соответствовало не «потерянное поколение» 1830-х, а народные персонажи лермонтовского «Бородино», сильные и гордые герои эпохи 1812 года. Из всех русских поэтов лира М.Ю. Лермонтова задевала самые сокровенные мотивы музыки Абая. Это отмечали авторитетные абаеведы: Мухтар Әуезов видел в переводах Абая «отражение грустной печали, беспокойного биения собственного сердца поэта». Заки Ахметов указывал на «особый трепет», с которым относился Абай к поэзии Лермонтова, особенную близость к русскому поэту, «духовное родство» и «наибольшее духовное созвучие». С середины 1880-х Абай Кунанбаев переводит на казахский язык более 30-ти стихотворений Лермонтова.

Авторитетный казахстанский переводчик Герольд Бельгер, со знанием дела установил: «дух и своеобразие Лермонтовской музыки были чутко уловлены зрелым Абаем».

Для перевода Абай отбирает стихотворения определенной тематической группы и близкими настроениям поэта мотивами. Среди них:

- политическая и гражданская лирика со свойственной ей неудовлетворенностью современным состоянием общества («Бородино», «Дума», «На буйном пиршестве задумчив он сидел»);
- темы несправедливости, бездействия и равнодушия;
- мотивы одиночества;
- выражение гражданской позиции в обществе («Не верь себе», «Кинжал», «Журналист, читатель и писатель»);
- тема поэта и поэзия;
- тема поколения.

Широко представлены переводы стихотворений пейзажной лирики - «Горные вершины», «Дары Терека», «Утес», «Парус». Русскому читателю известно, что «пейзажными» эти произведения могут быть названы весьма условно: соответствующие лирическому герою переживания передаются через пейзажные образы с помощью разных композиционных приемов (повторы, параллели и др.) и изобразитель-

но-выразительных средств (ассонанса, аллитерации, тропов и стилистических фигур).

Глубоко родственными Абаю оказались лирические переживания в таких стихотворениях: «Еврейская мелодия», «Пленный рыцарь», «И скучно и грустно», «Нет, я не требую вниманья», «Я не хочу, чтоб свет узнал», «В минуту жизни трудную», «Выхожу один я на дорогу», «Звуки» и такие произведения, как «Вадим» и «Демон». Они и были выбраны Абаем основой для перевода.

Через лермонтовские поэтические переводы он познакомился сам и познакомил свой народ с европейской поэзией: Гете, Байроном: стихотворение «Из Гете». «Из Гете».

Некоторые стихотворения Лермонтова настолько его волнуют, что он дает несколько переводческих версий: «И скучно и грустно», или «В минуту жизни трудную», воссозданное им под названием «Қасиетті дұға» и «Дұға». Абай по-своему осмысливает лермонтовский образ. Описывая ночь по Лермонтову, он видел, чувствовал поэзию казахской степи: отсюда замена лермонтовских «долин» «степью». Лермонтовские «горные вершины» превратились в широкие «степи», в результате картина Гете, по замечанию двуязычных исследователей, практически без «смысловых» потерь «переместилась» на казахскую землю.

Академик З. Ахметов отмечает, что сохранение формы слова для Абая не самоцель: абаевские переводы «верно и тонко воссоздают внутреннюю жизнь подлинника». Большая часть произведений-источников относится к свободным переводам. К примеру, «Адамның кейбір кездері» - свободный перевод фрагмента лермонтовского произведения «Журналист, читатель и писатель». Не изменяя духу лермонтовской исповеди, «Адамның кейбір кездері» - без сомнения, считают ученые-абаеведы, самостоятельное сочинение Абая.

По поводу этого перевода З. Ахметов категорично утверждает, доказывая это скрупулезным языковым и стиховедческим анализом: «Казахское произведение поистине достойно русского образца»; передает не только содержание и настроение стихотворения, но и его музыку. Высоко поэтическая простота, отличающая стихотворение Лермонтова, характеризует и перевод Абая».

Заки Ахметов в своих научных наблюдениях неоднократно подчеркивал близость поэтической музе Лермонтова по идейной направленности, тону и характеру многих оригинальных произведений поэта («Желсіз түнде жарық ай», «Күн артынан күн туар», «Ауру жүрек ақырын соғады жай» и др.).

Внимание Абая привлек лермонтовский вопрос «О чем писать?».

Именно с ответа на него начинается Абай свой перевод.

О чем писать? – бывает время,
Когда забот спадает бремя...

Бремя ответственности, дополнительных тягот и лишений представлено в знаменитом стихотворении русского поэта как добровольно возложенная Поэтом на себя ноша – обязанность быть «нравственным поводырем» своему народу. И лишь изредка Поэт обращается к темам, предназначенным ему Божьим даром. Это образы Космоса, ночного неба, бесконечной дали, отражающие уникальность национально-художественного мышления поэта, целостность восприятия мира. Особенно отчетливо эти мотивы о образы присутствуют в произведениях «Выхожу один я на дорогу», «Горные вершины», «Парус».

И именно эти стихи по духу и идее, по настроению находят созвучие в поэтическом мире Абая. В способе выражения чувства неудовлетворенности современным состоянием общества, несправедливости, бездействия и равнодушия, одиночества образы Космоса, Вечной природы выступают реалиями национального самосознания. Природная способность казахов к созерцанию мира бесконечного космоса обусловлена, по единодушному мнению исследователей, степному космосу бесконечно открытого пространства.

Кочевник не имел дела с действительно бесконечным - он ухватывал лишь психологически равнозначное бесконечному: даль небес, простор степей, то есть пространство, которому есть предел. Психологический эффект бесконечного возникает из перенесения видимой безграничности на действительность; при созерцании просторов степей, небес, звездного неба». Данная черта национального сознания, восходящая к традициям народного эпоса и фольклора в целом, определила выбор для перевода тех произведения Лермонтова, в которых отражены высокие духовные запросы обоих поэтов.

Совсем иного плана были задачи, поставленные Абаем при переводе произведений в жанре *басни*: в этой поэтической форме объемно и наглядно воплощаются просветительские идеи и быстро усваивались в народной полуграмотной среде. Легко запоминающаяся форма изложения определенной мысли, сатиричность с резюмирующей финальной фразой в виде наставления или нравоучения как нельзя лучше отвечала запросам времени и воспитательным установкам литературного творчества Абая. Басня у всех народов пользовалась наибольшей популярностью: ее колоритный язык, сценичность и меткий язык передавали «поэзию житейской мудрости». К тому же басня со вмещала в себе могучее средство воспитания, что «входила» в про-

грамму просвещения народа, которой следовал Абай в своей эстетической установке.

Приступая к разработке басенного жанра, Абай обратился к фольклорным сюжетам казахского народа. М. Ауэзов видел в басне одну из разновидностей сказок о животных, репертуар которых был богат и разнообразен в казахском народном творчестве. Именно в животном эпосе казахской литературы, равно как и русской, формируются зачатки басне-творчества. В отличие от животной сказки, басенные речи зверей, диалог между ними не только продвигают события, но и характеризуют поведение персонажа, дают возможность читателю самостоятельно оценивать поступки.

Абай сохраняет метафорический смысл за каждым образом, который он берет из животного казахского и шире – мирового эпоса: лисица – символ лукавства, волк – хищник, медведь – простак и увалень, сойка – сплетница. Преимущественно скотоводческий быт предков запечатлен в небольших притчах о ежике, сурке, лисице, медведе, сойке и т.д. В произведениях устного поэтического творчества казахский народ сохранил свою историю, быт, обычаи, нравы и традиции степного кочевника. Как и в мировом фольклоре, народная мудрость, остроумие, находчивость, душевная щедрость простого люда противопоставлялась сатирическим образам представителям власти.

К переводу басен великого русского баснописца Абая привели поиски новой формы поэзии, которая помогла бы полнее раскрыть новые социальные понятия и новую мораль. Басни И.А. Крылова расширяли сюжетный диапазон народного творчества и легко адаптировались под местный колорит. Разработка жанровых сцен, пейзажных зарисовок, бытовых картинок производилась с ориентиром на поэтические приемы Крылова. С особой художественной силой прославлялась смекалка народа, умение противостоять или «обойти» власть имущих, чьи недостатки, отрицательные стороны характера изображались в сгущенном виде. И это не могло не нравиться аудитории слушателей Абая-переводчика.

Осознавая сложность перевода басенного жанра в передаче тонкой иронии, колорита народной мудрости, Абай предпочел бытовавшим в его эпоху сатирическим произведениям арабо-персидского средневекового эпоса басни И. А. Крылова, которые в большей степени соответствовали «просветительским» задачам поэта. Свободное владение языком оригинала, быта, обычаев русского народа позволило найти достойный эквивалент в казахском языке.

В конце 1890-х годов Абай переводит одиннадцать (по версии других ученых-абаеведов – тринадцать) басен И.А. Крылова. Одни

переводы *достоверно* передают содержание оригинала, другие *приближены* по смыслу. Свободные переводы приобретали смысл самостоятельных произведений с назидательной моралью, характерной для казахов. К примеру, басню «Осел» Абай целиком переложил применительно к быту и обстановке кочевников-казахов. У Крылова Осел, приняв звонок у себя на шее за орден, возгордился, забрался в огород и стал уничтожать и топтать овощи, пока его не прогнал и не избил хозяин. У Абая Осел, идущий в голове каравана, возомнил себя уважаемым и почтенным потому, что был навьючен золотом. Когда он доставил золото, стал обыкновенным ослом, глупым вьючным животным - ишаком.

В басне «Дуб и трость» диалоги Дуба с Тростинкой основной конфликт, построенный на противопоставлении гордости и бахвальства скромности и добродетели, выводит сюжет в категорию общечеловеческих мотивов.

Большинство басен восходят или к французской или к греческой басне и являются казахскими вариантами странствующих сюжетов. Таковы у Абая басни «Осел», «Ворона», «Лисица», «Стрекоза и Муравей» и др. «Слон и Моська», «Музыканты» или «Пестрые овцы».

Например, в басне «Слон и Моська» Абая привлек не отклик Крылова на журнальные отношения начала девятнадцатого века, о чем он едва ли мог знать, а близкая ему тема осмеяния чванливости и пустозвонства. Абай и в собственных стихах бичевал кичливых неучей и хвастунов-верхоглядов:

Не хвастай, коль не учен,
Будь скромностью наделен,
Зачем походить на тех,
Кого зовем «Пустозвон»?

«Общенье» Абая с Крыловым позволяет казахскому поэту понять и показать знакомые уже образы в *новом их качестве*.

Что изменил?

В переводах басен Крылова Абаем они перестают быть наивно-реалистическими аналогиями, а становятся типизирующими социальные явления характеристиками.

Перевод басен Крылова дает возможность Абаю познакомить свой народ с русской реалистической традицией басни. Абай не стремился к дословному переводу басен, прежде всего, передавал идейную сущность басен, перерабатывая или вступительную или заключительную часть их, приспособлявая мораль к миропониманию казахов-кочевников. В результате обработки они воспринимаются как оригинальные казахские произведения.

Стремясь на материале русской басни осудить пороки и недостатки казахской жизни, Абай ряд понятий, связанных с крестьянским бытом, заменяет или описательными формулировками, или же не совсем тождественными, но близкими по значениям словами, знакомыми казахам. Вместо колоритных русских простонародных имен – кум Карпыч, сват Климыч, сосед Фока – у Абая: нарицательные казахские понятия и наименования родственников и близких – «агайынын», «досжарын».

В эпоху Абая можно было говорить лишь о зачатках художественной прозы. И работа Абая над пейзажем или жанровыми сценками была значительным шагом к будущей художественной прозе. Зачастую Абай видоизменял вступительную или заключительную части басни, приближая их к жизни и миропониманию казахских масс. Но при этом сохраняет крыловский тон рассуждений. Разностопный стих крыловских басен – в семисложный размер помогает изложению Абая быть более звучным, легким. Язык перевода Абая взволнован и острый.

Русская сатирическая традиция оставляет след в казахской новейшей литературе. Абай отлично сумел образы-аллегии басен Крылова сделать воплощением живых человеческих черт. Определенная адекватная знакомому кочевому быту сатира Крылова становится для казахского читателя понятной и доходчивой в переводе Абая.

В отношении к басням Крылова Абай проявил все свое искусство, чтобы сделать их доступными и понятными казахам. Басни Крылова Абай любил рассказывать детям. Крылов в казахских переводах становился предметом изучения и в ауле Абая, и в медресе Кокпяя, одного из учеников и друзей поэта.

Самые сложные творческие параллели абаеведы обнаруживают в исследованиях абаевских переводов произведений *А.С. Пушкина*. В Пушкине Абаю раскрылся дух русского народа в наибольшей красоте и полноте.

Следует различать в переключках Абай-Пушкин собственно перевод конкретных произведений русского классика и освоение Абаем близких творческих принципов. Попробуем (условно!) «вычленить» конкретные творческие установки и ориентиры, которые составляют суть творческого родства Абая и А.С. Пушкина.

1) Обоими поэтами осознается миссия первопроходца и находит выражение в решимости идти до конца, никто не вправе остановить поэта.

Абай видел в Пушкине национального поэта, отразившего вели-

чие духа русского народа, богатство русской культуры. Закладывая основы качественно новой литературы, казахского литературного языка, Абай добровольно возложил на себя подобную миссию. Современник Пушкина определил значение русского классика одной емкой фразой: «Пушкин – наше все!». То же можем мы сказать и про Абая – основоположника казахской литературной словесности.

2) В поисках национальной модели оба поэта опирались на достижения устного народного творчества.

Любопытная биографическая деталь, мимо которой не проходит ни один исследователь, усматривая в этом какое-то высшее провидение. Осенью 1833 года А.С. Пушкин для сбора достоверных материалов к своей документальной прозе «История Пугачева» отправляется в далекое путешествие через казахские степи. Два дня он пробыл в г. Оренбурге в дружеском общении с известным фольклористом В.И. Далем, который посоветовал ему двигаться в сторону Уральска. В письме жене Наталье Николаевне он пишет: «...приняли меня славно». Здесь Пушкин услышал калмыцкую сказку об орле и вороне и включил ее в повесть «Капитанская дочка», художественную версию истории пугачевского восстания. Профессиональная чуткость к поэтическому слову обнаружилась и в составленных записях по следам впечатлений. Наброски казахской лироэпической поэмы «Козы-Корпеш и Баян Сулу», обнаруженные в архиве Пушкина, остались среди незавершенных замыслов русского поэта как свидетельство живого интереса к народному степному эпосу.

Текст поэмы впервые опубликован в 1937 году Л. Модзалевским в «Вестнике пушкинской комиссии». Еще до поездки в Оренбург и Уральск Пушкин изучил книгу А. Левшина «Описание киргизкайсацких орд и степей» и опубликовал аннотацию к ней в своей «Литературной газете». Эти факты дают основание заключить, что у истоков изучения фольклора степей стоял великий А.С. Пушкин.

3) Еще одной творческой установкой, которая составляет суть творческого родства Абая и А.С. Пушкина, является отношение поэтов к занятию поэзией и самому статусу Поэта.

Во второй половине XIX в. русский писатель разночинец-демократ Н.Г. Чернышевский признавал, что Пушкин «первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела». Аналогично Абай, поэт-просветитель, первый и главный интеллектуал своего времени, своими поэтическими декларациями занял трибуну Государственного деятеля.

Эти три установки по сути составляют основу эстетики Абая-поэта, которые отражаются на уровне тематики-проблематики и вы-

водят на открытие новых форм и поиск читателя-собеседника.

Что касается выбора из всего литературного наследия А.С. Пушкина произведения для перевода Абай неслучайно останавливается на «самом задушевном произведении Пушкина, воплощение заветных дум и чувств великого русского поэта, его размышления над современной ему жизнью, его нравственный идеал». Абай, как мне кажется, в своем стремлении познакомить казахский народ с творчеством Пушкина, решил сделать достоянием роман «Евгений Онегин». «Энциклопедия русской жизни» открылась перед читателем-казахом со все силой живой русской мысли, разбудившей мысль всего казахского народа.

Всего Абаем переведено семь отрывков из пушкинского романа «Евгений Онегин»: «Портрет Онегина», «Письмо Татьяны к Онегину», «Ответ Онегина», «Слово Онегина», «Письмо Онегина к Татьяне», «Слово Татьяны», «Из монолога Ленского». Завершает цикл «Предсмертное слово Онегина». Обращает на себя внимание то, что несмотря на отрывочное представление о сюжете пушкинского романа, выбранные фрагменты передают все кульминационные точки развития поэтической мысли источника. Письмо Татьяны - Ответ Онегина; Письмо Онегина - Ответ Татьяны; далее: у Онегина и Татьяны есть еще два монолога, в которых раскрывается их характер и объясняются поступки - то, что движет сюжет. Еще два отрывка тоже вполне уместны и выполняют своего рода функции смысловой «скрепы». Это «Портрет Онегина» и «Из монолога Ленского», который дает представление о романтических мечтаниях юного поэта.

Прослеживается, на мой взгляд, одна закономерность. Прием, к которому прибегает переводчик: все отрывки как монологи главных персонажей, Абаю удастся создать целостное впечатление о произведении. Возможно, правы исследователи, которые утверждают, что в отличие от романа Пушкина «Евгений Онегин», в переводе Абая рождается новое произведение «Татьяна-Онегин». Кстати неоднократно встречалась такая версия у соотечественников Пушкина - Татьяна Ларина вполне имеет право называться равной Онегину главной героиней произведения.

В качестве еще одного выверенного подхода переводчика можно указать передать поэтическую мысль Пушкина через мелодику: «Мысль, как птица, стремится ввысь и тень ее – мелодия». Абай не мог ошибиться, от всей души желая, чтобы казахский читатель полюбил русского поэта с той же силой, что и он сам. И в казахской степи «запела» сначала Татьяна, затем Онегин, а вместе со своими героями стал близок и понятен сам Пушкин. «Песня Татьяны» переходила из

одной юрты в другую, из аула в аул, была понятна любому степному казаху, всему народу. Слова любви, светлое, чистое, сильное и прекрасное чувство, переданное поэтом, нашло отклик в сердцах казахов. Эта песня так быстро покоряет людей, что становится «народной», и в исполнении прекрасных певцов до сих пор находит самый шорокий и искренний отклик.

Абаю с его знанием языка и русской культуры, были понятны причины, терзающие любимых героев русского автора, не нуждался в комментарии и исторический фон с деталями дворянского быта, объясняющий невозможность счастья для Онегина и Татьяны. А в отношении читателя-степняка Абай мог рассчитывать только на то, что заученные откровения пушкинских персонажей прозвучат в юртах под звуки чуткой домбры, чередуясь с народными преданиями и сказками.

Есть еще одна «вольность» в переводе Пушкина. Известный литературовед Темиргали Нуртазин так прокомментировал: «Абай не желает оставлять Онегина на произвол судьбы, он считает, что тот должен умереть, а не влачить жалкое существование» И Абай от себя добавил «Предсмертное слово Онегина». Это решение соответствует ситуации в финале романа:

Здесь героя моего,
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда.

Осмысливая лучшие классические приемы мастеров русского художественного слова, Абай создал стройный, стилистически отработанный язык казахской художественной литературы. Вопрос о связях казахской литературы с русской классикой имеет выхода к проблеме междисциплинарного диалога: две основные сферы междисциплинарный диалог: взаимоотношения между авторами, представляющие разные литературы и встреча литератур в читательском сознании. Вместе с тем междисциплинарный диалог не является единственной формой реализации открытости национальной литературы.

Активная переводческая работа способствовала органичному переходу Абая в литературу – от акына-импровизатора до основоположника реалистической литературы. В ходе освоения достижений реализма в уникальных художественных формах формировался индивидуальный стиль Абая. Субъективный мир человека раскрывается им как отражение объективной действительности. Взяв на себя ответственность преобразователя и основоположника казахского литературного языка, Абай очистил казахский язык от арабизмов, тюркизмов, непонятных для народа арабских, персидских слов, слов религиозного

содержания. Исторический процесс сближения народного языка с литературной речью, язык, получивший импульс к дальнейшим изменениям, лег в основу всего дальнейшего развития литературы и современного казахского языка.

На протяжении всего жизненного и творческого пути Абай на собственном опыте убеждался: знания, полученные от русских ссыльных, круг их общения, последующие годы переводческого труда русской классики – то «доброе», что помогало ему преодолеть минуты сомнения и уныния. Поэтому Абай не уставал повторять и наставлять молодежь: *«Узнай у русских доброе...»*

На этом и завершим лекцию.